

Богатая бабушка

Тому, кто хочет понять
деньги по-настоящему

Василий Стешенко

Богатая бабушка

«Автор»

2026

Стешенко В. В.

Богатая бабушка / В. В. Стешенко — «Автор», 2026

Внука обманули на «верном деле». Бабушка не жалеет его, она садится и пишет письмо. Денег она не оставит. Она оставит 14 законов, по которым деньги делаются и исчезают. Почему деньги не богатство, а пропуск. Почему в обвал первыми разоряются самые честные и бережливые. Кто вложил в тебя твои желания и сколько на них зарабатывает. Что деньги сделают с теми, кто любит тебя сегодня. Она прошла пустые полки, очереди и дикое поле, поднялась с нуля и заплатила за каждую строчку. Ей от внука ничего не нужно, поэтому она говорит правду. Ни мистики, ни схем, ни обещаний лёгких денег.

© Стешенко В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Письмо, которое ты не просил	5
Глава первая. Очередь	6
Глава вторая. Бедная мать и богатая соседка	8
Глава третья. Чужие желания	10
Глава четвёртая. Обнуление	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Стешенко

Богатая бабушка

Пролог. Письмо, которое ты не просил

Я пишу тебе письмо, которого ты не просил.

Это единственное письмо такого рода, какое ты получишь в жизни, потому что я единственный человек на свете, которому от тебя ничего не нужно. Запомни это и держи в уме всю дорогу. Любой, кто возьмётся учить тебя деньгам, что-то с этого имеет. Учитель скажет, что деньги — зло, потому что у него их нет, и ему спокойнее считать пустой карман добродетелью. Богатый улыбнётся и даст совет, устроенный так, чтобы ты остался внизу: внизу ты ему полезнее. А те, кто продаёт быстрое богатство с экрана, берут с тебя плату дважды — деньгами и надеждой, и надежду берут дороже. Я не беру с тебя ничего. Мне поздно. Поэтому слушай.

Я знаю, что случилось. Не нужно рассказывать. Полгода назад к тебе пришли с верным делом — таким верным, что отказаться значило выставить себя дураком. Тебе показали, как деньги сами рожают деньги: без труда, без пота, просто за то, что ты будто бы умнее толпы. А потом обещание лопнуло, кошелек опустел, и те номера телефонов замолчали. И теперь тебе стыдно, так стыдно, что ты не звонишь даже мне.

Не стыдись. Я не сержусь и не жалею тебя — жалость это то, чем сытые кормят голодных вместо хлеба. Я даже рада. Человек, которого ни разу не обманули на деньги, опаснее для самого себя, чем тот, кого обманули рано и дешево. Тебя обокрали вовремя и недорого. Это не катастрофа. Это счёт за урок, и счёт, между прочим, маленький. Я платила куда дороже, и ты ещё прочитаешь, чем.

Сейчас ты думаешь, что проиграл оттого, что чего-то не знал, какой-то хитрости, какой-то схемы, которую знают «они». Это самая дорогая из твоих ошибок, и я хочу убить её первой. Дело не в схеме. Между тем, у кого есть, и тем, у кого нет, лежит не толщина кошелька, а кое-что невидимое — способ смотреть на мир. Бедный и богатый стоят перед одной и той же витриной и видят два разных мира. Я научу тебя видеть тот, второй.

Денег я тебе не дам. Деньги, которые я могла бы тебе оставить, убьют тебя вернее тех мошенников, позже я объясню, почему так, и ты согласишься. Я оставляю тебе другое. У всего, что люди зовут богатством, есть скрытый свод правил, который не печатают в книгах, потому что тот, кто его знает, не заинтересован раздавать. Я знаю этот свод. Я заплатила за каждую его строчку. И я перепишу его для тебя своей рукой — закон за законом. Их будет четырнадцать. К концу ты будешь держать в руках то, чего нет у девяноста девяти человек из ста: не деньги, а карту места, где деньги делаются и где исчезают.

Начну я с самого начала — с пустых полок и длинных очередей, из которых я вышла. Я родилась там, где денег почти не было, и именно поэтому поняла про них то, чего не понять тому, кто родился среди изобилия. Голод — плохой хозяин, но хороший учитель.

Переверни страницу. И обещаю тебе одно: не верь мне на слово. Всё, что я скажу, проверяй на собственной шкуре. Слепая вера и сделала тебя добычей; я не хочу подсунуть тебе новую веру взамен старой. Я хочу, чтобы ты научился смотреть.

Бедный спрашивает: где взять денег. Богатый спрашивает: как устроено то, что их делает. Первый вопрос держит тебя в очереди до конца жизни. Второй выводит из неё.

Глава первая. Очередь

В мире, где я выросла, деньги были, а купить на них было нечего.

Это первое, чего тебе не понять с непривычки. Ты вырос среди полных витрин и потому уверен, что деньги и есть то, что в них лежит, будто деньги и товар одно и то же, разными словами названное. У нас всё было наоборот, и потому нам открывалось то, что от тебя закрыто изобилием. В кошельке у матери лежали бумажки. А полки в лавках стояли голые — длинные деревянные доски, на которых иногда одиноко стояла банка чего-то, до чего никому не было дела. Хлеб, тёплая обувь, ткань на зиму, лекарство, когда болели, ничего из этого не покупалось за деньги. Всё это доставалось. Слышишь разницу между «купить» и «достать»? В ней спрятана половина того, что я хочу тебе передать.

Стоять в очереди я выучилась раньше, чем читать. Очередь была главным занятием взрослого человека и первой школой, которую я прошла от звонка до звонка. Приходишь затемно, занимаешь место в хвосте длинной живой змеи из людей и стоишь час, два, полдня, не зная даже наверняка, дойдёт ли до тебя то, за чем все стоят, или кончится за три человека перед тобой, и ты пойдёшь домой с пустыми руками и пустым днём. Я до сих пор помню спины. Помню, как считала их, чтобы скоротать время; как стыли ноги; как женщина впереди держала номер своей очереди, написанный чернилами на ладони, чтобы не потерять место, если отойдёт погреться. В сумке у этой женщины лежали деньги. Деньги ничем ей не помогали. Помогало одно — стоять. И ещё одно, чего я тогда не умела назвать, но уже видела глазами.

Потому что пока вся улица стояла в очереди, кое-кто не стоял.

У задней двери той же лавки, куда с улицы не пускали, тихо менялись руки. Туда, через знакомого, через нужного человека, через «своего», доставалось то, чего на полках не бывало вовсе. Не за деньги, точнее, не только и не столько за деньги. За доступ. Мать одной моей подруги работала в такой лавке, и семья их жила, скажу я тебе, в совсем другом мире, чем мы, хотя на бумаге зарабатывала те же гроши. У них зимой на столе стояло то, чего я не видела по целому году. Не потому, что денег у них было больше. Потому, что у них был ключ от задней двери.

Однажды перепало и нам. Через ту самую подругу мать достала мне зимние ботинки — настоящие, тёплые, каких в очереди можно прождать всю зиму и не выстоять. Я помню, как она несла их домой, прижав к груди, и оглядывалась, будто несла не обувь, а что-то запретное. И помню её лицо: в нём была радость, но не та чистая радость, что от честной покупки. Что-то в ней было пристыженное, словно мы переступили черту. Тогда я не поняла. Теперь понимаю: мать всю жизнь верила, что жить надо по передней двери, в общей очереди, по-честному, — и сама же, ради меня, вошла в заднюю и устыдилась. Этой её раздвоенности я ещё коснусь отдельно. Пока запомни картинку: полная очередь людей с деньгами, которым не достаётся ничего, и одна тихая дверь сбоку, в которую входят немногие, и у них есть всё.

Маленькой я сделала тогда первое своё открытие про деньги, и оно оказалось вернее всех, что пришли после. Я глядела на эту очередь и на эту дверь и поняла:

Закон первый: деньги — это не богатство, а пропуск. Богат не тот, у кого толстый кошелёк, а тот, у кого есть ключ от задней двери, доступ туда, куда других не пускают. На нём стоит всё остальное, поэтому я ставлю его первым.

Тебе кажется, что к тебе это не относится, ведь ты вырос без очередей и пустых полок. Но очередь никуда не делась. Она стала невидимой. Полки в твоём мире ломаются, витрины горят, и ты решил, что доступ теперь у всех поровну. Это и есть самый ловкий обман изобилия. Очередь не исчезла, она переехала. Теперь стоят не за хлебом. Стоят за хорошим местом, за нужным знакомством, за тем, чтобы тебя позвали в комнату, где решают, кому достанется, а

кому нет. И у каждой такой комнаты, как и встарь, две двери: передняя, перед которой толпится тьма народу с деньгами, и задняя, в которую тихо входят свои.

Те, кто продал тебе быстрое богатство, сыграли как раз на этом, и сыграли красиво. Они шепнули тебе на ухо, что нашли заднюю дверь и готовы провести в неё именно тебя — за небольшую плату, по-свойски, пока другие стоят в общей очереди и ничего не понимают. Дверь, само собой, вела в глухую стену. Но клюнул ты не от глупости. Клюнул потому, что в глубине уже знал правду, что двери есть, что мир и вправду так устроен, что вся жизнь решается тем, по какую ты сторону. Тебе продали не ложь. Тебе продали правду, прикрученную к обману, а это куда соблазнительнее чистой лжи.

Что же со всем этим делать. Перво-наперво не злись на тех, у кого ключ. Зависть — это очередь, в которой стоят всю жизнь, до самого конца, и ничего в ней не достаётся, кроме горечи. Сделай другое. Перестань спрашивать, как достать то, что лежит на полке у всех на виду. Начни спрашивать: где здесь задняя дверь и что нужно, чтобы меня в неё пропустили. Иногда нужны деньги — да. Но чаще нужно стать человеком, которого пускают и без денег: тем, кто умеет то, чего не умеют другие; кто что-то знает; кому другие должны; с кем хотят иметь дело. Деньги открывают многие двери, это правда, и глупо это отрицать. Но есть двери, которые открываются только перед тем, кто сам чего-то стоит, и это лучшие двери на свете, потому что такой ключ у тебя уже не украдут и не отнимут. Тот ключ — ты сам.

Толпа всю жизнь копит на то, что лежит на витрине. Богатый покупает не товар, а ключ от двери, за которой эти витрины наполняют. Первое можно потерять за ночь. Второе — нельзя.

Глава вторая. Бедная мать и богатая соседка

У меня было два учителя денег, и они терпеть не могли друг друга.

Первой была моя мать. Я люблю её до сих пор, и оттого мне тяжело говорить о ней правду, но я обещала тебе правду, и вот она. Моя мать была честнейшим человеком из всех, кого я знала, и всю жизнь прожила в нужде, и одно было причиной другого. Она работала так, как теперь уже не работают, руками, до темноты. Она верила: если делать своё дело хорошо и честно, мир это заметит и воздаст. Мир не заметил. Мир вообще редко замечает тех, кто ждёт, чтобы его заметили.

Деньги мать считала чем-то нечистым. О тех, у кого они водились, говорила, поджав губы: «Нечестно нажили, наворовали». Ей было спокойнее думать, что всякое богатство есть кража, потому что тогда её собственная бедность становилась не неудачей, а чистотой. Это очень удобная вера и очень дорогая. Я видела, как она держала мать на месте, словно якорь. Матери не раз выпадал случай, маленький, но настоящий, чтобы переменить судьбу. Каждый раз она отступала, потому что взять этот случай значило бы перестать быть бедной и честной и сделаться в собственных глазах одной из «тех». Она выбирала остаться. Называла это достоинством. Я научилась называть это страхом в красивом платье.

Второй моей учительницей была соседка — женщина, которую мать в дом не пускала и за глаза звала нехорошим словом. Назову её просто соседкой. У неё не было ни большего образования, ни лучшего начала: они с матерью выросли на одной улице. Но смотрела соседка на мир иначе. Там, где мать видела несправедливость, на которую можно лишь обижаться, соседка видела то, что можно изучить. Она не спрашивала: «Почему мир так несправедлив?» Она спрашивала: «По каким правилам он играет на самом деле и как по этим правилам выиграть?»

Соседка знала про заднюю дверь, о которой я тебе рассказала. Знала, кому что нужно и кто кому может быть полезен. Умела ждать и умела двигаться. Злодейкой она не была — это важно; забудь сказки, где богатый непременно подлец: это байка, которую бедные рассказывают себе на ночь, чтобы слаще спать в своей бедности. Соседка просто видела игру и играла в неё, пока другие стояли в очереди и считали это нравственностью.

Я помню один её урок, хотя сама она и не думала, что учит. Была у неё вещь, которую вся улица хотела, — пусть будет отрез хорошей ткани. К ней пришли, предложили деньги, и деньги хорошие. Она отказалась. Я, маленькая, не поняла: вот же деньги, бери. А соседка подождала, посмотрела, кто ещё придёт, и в конце отдала ткань не тому, кто давал больше всех, а той семье, от которой ей самой кое-что должно было понадобится потом. И денег не взяла вовсе, взяла обещание. Через полгода обещание обернулось для неё тем, чего за деньги было не достать ни на какой улице. «Деньги бери в последнюю очередь,» — сказала она мне как-то, поймав мой взгляд. — «Деньги — это мелочь. Бери то, что деньгами не покупается». Тогда я не поняла ни слова. А теперь думаю, что в одной этой фразе больше, чем в иной толстой книге.

И вот в чём была моя беда, детская беда, которую я тащила потом полжизни. Любила я мать, а училась у соседки. Я приходила от неё домой с горящими ушами, будто сделала что-то постыдное, и молчала за ужином, и мне казалось, что, понимая соседку, я предаю мать. Много лет прошло, прежде чем я поняла, что не предавала никого. Можно любить человека и не повторять его ошибок. Больше скажу: повторить судьбу матери из любви к ней было бы не верностью, а трусостью, наряженной в верность. Худшее, что ты можешь сделать для тех, кто прожил жизнь в нужде — это остаться в нужде вместе с ними, чтобы им было не так одиноко.

Из этих двух женщин я вынула второй закон.

Закон второй: дело не в том, как усердно ты работаешь, а в том, в какую игру играешь. Узнай правила игры прежде, чем сесть за стол, иначе будешь честно, до седьмого пота, проигрывать по правилам, которых даже не прочитал.

Моя мать играла блестяще, но в игру, где выиграть нельзя. Она думала, что играет в «делай хорошо своё дело», а на деле сидела за столом, где платят совсем за другое: за то, кого ты знаешь, что понимаешь, какой ход делаешь и в какую минуту. Ей казалось, что усердие — это и есть ход. Усердие — не ход. Усердие — это то, как ты двигаешь фигуру; а выигрывает тот, кто знает, какую фигуру и куда. Можно всю жизнь, с великим усердием и чистой совестью, двигать пешку назад.

Тебя, кстати, обманули ровно поэтому. Тебе почудилось, что есть лёгкая игра, где деньги растут сами, и ты сел за стол, не прочитав правил. А правило той игры было одно и простое: за столом всегда выигрывает тот, кто стол поставил. Не садись за чужой стол, пока не понял, как хозяин зарабатывает. Если не видишь, на чём здесь делают деньги, значит, деньги здесь делают на тебе.

Бедный гордится тем, как тяжело он работает. Богатый постыдился бы тяжело работать впустую и сперва спрашивает, та ли это работа. Усердие без понимания — самый честный способ остаться ни с чем.

Глава третья. Чужие желания

Теперь о самом тонком обмане. О том, как тебе вкладывают в грудь желание и выдают его за твоё собственное.

Я расскажу про вещь. В мире пустых полок изредка, как падающая звезда, появлялась вещь из другого мира, из того, где полки полны. Она приходила к кому-то одному: привёз дальний родственник, выменял счастливчик, добыл невесть как. И тогда вся улица знала, что у кого-то есть эта вещь, и заболела ею, как простудой.

В моё время такой звездой стали туфли. Не наши тяжёлые и тусклые, а оттуда: лёгкие, яркие, пахнущие незнакомой жизнью, с тонким ремешком и блеском, какого у нас не делали. Их привезли девочке с нашей улицы, и за неделю эти туфли свели с ума всех девчонок в округе, меня в том числе. Я не спала. Я думала о них так, как, наверное, можно думать только о людях. Мне казалось, что без этих туфель моя жизнь не настоящая, а с ними начнётся реальная: та, где меня замечают, где я не из хвоста очереди, где я уже не совсем я, а кто-то больше.

Прошли годы, прежде чем я поняла, что в тех туфлях не было ровно ничего. Кусок кожи и каблук. Хотела я не их. Я хотела перестать быть собой — девочкой из хвоста очереди и стать той, другой, которой эти туфли как будто принадлежали по праву. Желание было не моё. Его вложили в меня — улицей, завистью, блеском чужой жизни, а я приняла его за родное, за голос собственного сердца. Так это работает всегда: тебе показывают не вещь, а жизнь, которая будто бы к ней прилагается, и ты тянешься к жизни, а платишь за вещь. Жизнь, разумеется, не прилагается, приходят одни туфли.

Когда полки наконец наполнились и витрины зажглись, я увидела это ремесло во весь рост. Целые армии умных, по-настоящему талантливых людей сидят и работают над одним: вложить в тебя желание и выдать его за твоё. Они не продают тебе вещь, они никогда не продают вещь. Они продают тебе тебя, которым ты станешь, если её купишь: тебя любимого, тебя успешного, тебя, на которого наконец посмотрят. Этот товар не приезжает никогда, и в этом весь расчёт. Приезжай он, ты купил бы один раз и успокоился. А он не приезжает, и потому ты покупаешь снова, и снова, всю жизнь, гонясь за собой, которого тебе пообещали и не выдали.

Вот третий закон, и он дороже двух первых, потому что без него ты заработаешь деньги лишь затем, чтобы тут же отдать их за чужие желания.

Закон третий: прежде чем гнаться за деньгами, узнай, кто поставил тебе твои желания. Почти всё, что ты считаешь своим «хочу» — это чья-то прибыль, над которой трудилась команда маркетологов.

Теперь посмотри на свою историю и не отворачивайся. Тебе ведь продали не схему. Тебе продали тебя, того, кто наконец вырвался, кто умнее толпы, кто больше не считает копейки, кто сидит, закинув ногу на ногу, пока деньги работают за него. Ты захотел не денег. Ты захотел стать этим человеком. И за право им стать отдал всё, что имел. Те мошенники не были гениями. Они просто знали третий закон, а ты — нет. Они нашли желание, которое в тебе уже лежало, стать кем-то получше, и поскорее, и продали тебе картинку этого желания. Картинку ты оплатил настоящими деньгами. Так делается всегда и в подворотне, и в самых сияющих витринах: меняют твою живую тоску по лучшей жизни на свой мёртвый товар, и сдачи не дают.

Я не говорю тебе ничего не хотеть. Человек без желаний — не мудрец, а покойник. Я говорю другое: научись отличать свои желания от вложенных. Это самый трудный труд в жизни и первое настоящее богатство, потому что тот, кто это понимает уже наполовину свободен. Перед каждым крупным «хочу» останавливайся и спрашивай: это хочу я или это хочет во мне тот, кому я после заплачу? Сними с желания блеск чужой жизни. Если под блеском вещь всё ещё нужна — бери, владей на здоровье. Если блеск снят, а под ним пусто, ты только что сберёг

кусочек собственной жизни. А жизнь, как ты ещё узнаешь от меня, единственные деньги, которых не вернуть.

Бедный покупает вещи, чтобы стать кем-то. Богатый сперва становится кем-то, а уж потом покупает вещи или не покупает, ему уже всё равно. Кто выбирает что-то по чужой подсказке, тот всю жизнь оплачивает чужой счёт.

Глава четвёртая. Обнуление

В мире очередей была одна твёрдая вещь, на которой все стояли, как на полу. Денег было мало, и купить на них было нечего, но они хотя бы не менялись. Цифра была цифрой. Бумажка, отложенная сегодня, завтра весила столько же. И потому люди копили. Это было главное занятие после стояния в очередях — откладывать. На чёрный день, на старость, на «когда всё наладится». Складывали по монетке, годами, десятилетиями; прятали, берегли, считали по вечерам. В этой бережливости была вся надежда: если терпеть и копить, то однажды накопленное обернётся домом, спокойной старостью, жизнью без страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.